

рический материал демонстрирует функционирование юридических норм в сложной социально-политической жизни Рима. Академик *Я.Н. Шапов* (Москва) в докладе «Новеллы Юстиниана в древнерусской письменности» рассмотрел историю переводов на церковнославянский язык греческих текстов новелл, находившихся в собраниях «Новелл» Юстиниана в 87-й и 93-й главах. Эти собрания проникали в славянские страны, т.е. в Болгарию, Сербию и на Русь через Кормчие книги (Номоканоны). Проблема места, где были сделаны эти переводы (в Болгарии в X в. или на Руси в XI в.) окончательно не решена, однако гораздо важнее сам факт, что эти тексты, несомненно, использовались на Руси в XI–XVII вв. *В.А. Томсинов* (Москва) в докладе «Рецепция римского права в Западной Европе: постановка проблемы» высказал идею о том, что рецепции как таковой, т.е. возрождения римского права, в Европе не было. Во-первых, оно никогда и не умирало. Во-вторых, такие важные институты, как обязательственное право и торговые договоры, служившие, казалось бы, основным толчком для рецепции, вырабатывались в коммерческой среде вне римского права. Доклад *А.В. Копылова* (Москва) «Сервитуты в русском дореволюционном и современном российском гражданском праве» был посвящен рецепции сервитутов в русском дореволюционном и современном российском гражданском праве. Автор рассмотрел проблему соотношения терминов «право участия частного», «право угодий в чужом имуществе» и собственно «сервитутов», сделал вывод о сходстве правовой природы прав угодий с римскими сервитутами, и говорил о перспективах развития данного института. В завершившем конференцию докладе «Формирование системы римского права: к вопросу о причинах многовековой рецепции» *Л.Л. Кофанов* (Москва) отметил, что секрет долговечности римского права заключен, в частности, в двух аспектах. Прежде всего, уже в архаический период римляне научились творчески воспринимать, синтезировать и впитывать чужой опыт. Кроме того, в рамках жреческого, особенно авгурального, права была выработана стройная, философски обоснованная логичная система исков и права.

Л.Л. Кофанов

© 1998 г.

ВЫСТАВКА «МИФЫ И РИТУАЛЫ ДРЕВНЕГО ПРИАРАЛЬЯ» И КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЕРОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ ДОМУСУЛЬМАНСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ВОСТОКА

(Москва, 24–25 декабря 1997 г.)

С декабря 1997 г. по февраль 1998 г. в залах Государственного музея Востока (Москва) проходила выставка «Мифы и ритуалы древнего Приаралья». На выставке было показано около 150 экспонатов, представляющих собой произведения монументального искусства и предметы материальной культуры из коллекции сектора Средней Азии отдела истории материальной культуры и древнего искусства. Большинство выставленных вещей отражали сложную картину религиозных верований племен, населявших Приаралье в древности.

Экспозиция состояла из трех разделов. Первый раздел был посвящен идеологии и культуре Хорезма (IV–II вв. до н.э.). Здесь впервые была продемонстрирована коллекция художественной керамики и предметов культа, полученных в результате раскопок Калалы-гыр 2 – культового центра в Левобережном Хорезме (рис. 1). Особый интерес вызывают фляги со штампованными сюжетными рельефами. Очевидно, сюжеты на рельефах передают религиозные воззрения древних хорезмийцев, тесно связанные с индоиранской мифологией. Среди этих сюжетов отметим календарный миф с участием Митры, фигуру Заратустры на верблюде, сцену единоборства героя и полиморфного персонажа, Гопатшах и др. Был показан также комплекс вещей, найденных *in situ* в одном из культовых помещений памятника, который использовался в ритуале: терочник, кубки, фляги, орнаментированный горшок и ритоны с протомой коня. Значительное место в экспозиции было уделено коллекции votивных миниатюрных сосудов из Калалы-гыр 2.

Второй раздел был составлен из материалов династийного дворца-храма Топрак-кала (II–III вв. н.э.). В него вошли известные произведения монументальной скульптуры и живописи: «сцена оплакивания», голова богини в шлеме, дionyсийские персонажи и др., а кроме того, хорезмийские керамические оссуарии различных типов, в том числе и статуарные (первые века до н.э. – первые века н.э.) (рис. 2).

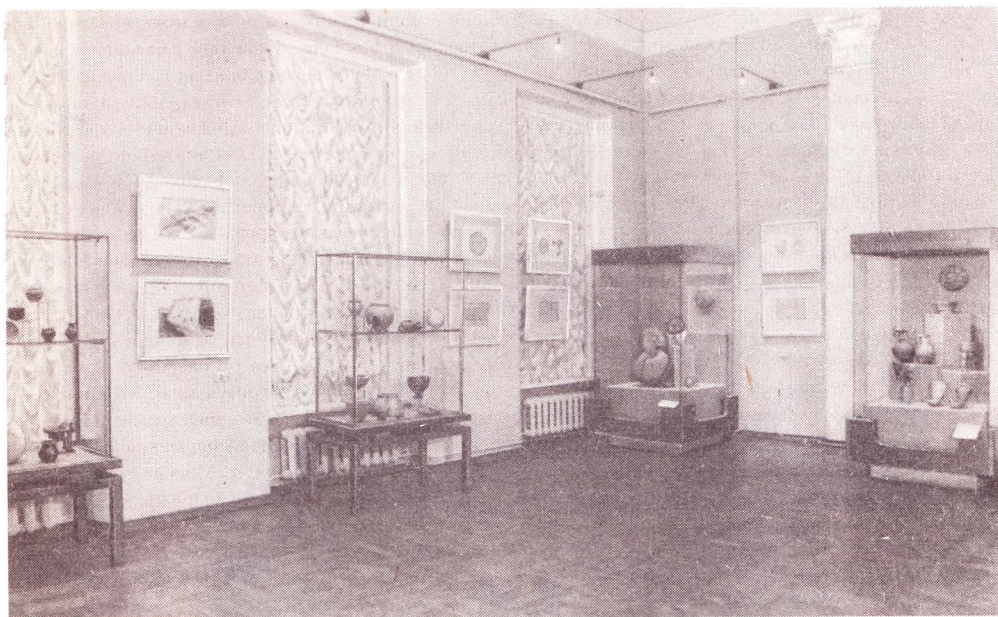

Рис. 1. Экспозиция материалов культового центра Калалы-гыр 2

Третий раздел выставки был посвящен культурам Восточного Приаралья в широком хронологическом интервале с X в. до н.э. до середины I тыс. н.э. Основу раздела экспозиции составили материалы из различных погребальных памятников этих культур. Эпоха поздней бронзы была представлена керамикой из мавзолеев могильника Северный Тагискен (X–VIII вв. до н.э.), свидетельствующей о сложных культурных процессах, происходивших в регионе в это время. Общепринята точка зрения, согласно которой планировка тагискенских мавзолеев (квадрат в круге, круг в квадрате, крест в круге) отражает общие индоевропейские космологические представления. С ними генетически связаны погребальные сооружения Чирпк-рабатской культуры (V–II вв. до н.э.). Были выставлены обнаруженные в погребениях ювелирные украшения, предметы женского туалета, плетеная корзина, каменная статуэтка фантастического животного, деревянные погребальные посылки и др. (рис. 3). В раздел были включены также материалы из раскопок могильников Джетыясарского урочища (II в. до н.э. – IV в. н.э.).

Материалы, представленные на выставке, были получены в результате многолетних работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнологии и антропологии РАН.

24–25 декабря 1997 г. в Государственном музее Востока проходила конференция «Верования и культы домусульманской Средней Азии», которая была приурочена к открытию выставки. В кратком вступительном слове заместитель директора по науке *Т.Х. Метакса* говорила о сложной системе верований и культов в Средней Азии в домусульманское время и подчеркивала роль археологии в процессе ее изучения.

Б.Я. Ставиский (Москва) сделал доклад на тему «Положение культов и религий в домусульманской Средней Азии VI–V вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э.». Он рассказал об истории формирования домусульманских воззрений среднеазиатских народов, отметил основные этапы этого процесса, его формообразующие, а также указал на региональные отличия. Автор подчеркнул, что несмотря на то что в науке известны отдельные случаи преследования религиозных учений (например, гонения на буддистов в Самарканде в VII в.), среднеазиатское общество домусульманского времени отличалось известной религиозной веротерпимостью.

Доклад *Б.И. Вайнберг* (Москва) «Функциональные зоны в древнехорезмийском культовом центре Калалы-гыр 2» был посвящен реконструкции ритуальной практики уникального хорезмийского храма (IV–II вв. до н.э.). На основании многолетних археологических работ автору удалось выделить отдельные участки памятника (функциональные зоны) и связать их с ритуалами, осуществлявшимися на Калалы-гыр 2. Судя по материалам, внутри культового центра проводилось возжигание огня на стационарном алтаре, выпекался ритуальный хлеб, изготавливался напиток из растертых растений, проходили ритуальные трапезы, различные очистительные ритуалы и др. Во входном комплексе, вынесенном за пределы основного храма, совершались «гражданские» обряды (договорные соглашения), а также массовые ритуалы: сюда приносили приношения в votивных сосудах. *Б.И. Вайнберг* считает, что храм имел отношение к культу плодородия.

Рис. 2. Экспозиция хорезмийских оссуариев

Проблема междивизиационных связей и влияний была поднята в докладе *С.Я. Берзиной* (Москва) «Древний Хорезм и цивилизация долины Нила». По мнению автора, контакты Хорезма с Египтом осуществлялись в два периода, между которыми существовал хронологический интервал. В первый период эти контакты осуществлялись непосредственно, так как оба эти региона входили в состав одного государства – Ахеменидской империи. С постахеменидского по позднееллинистическое время данные о связях этих территорий отсутствуют. Второй период характеризуется опосредованными связями, осуществлявшимися в потоке Шелкового пути. *С.Я. Берзина* считает, что египетская цивилизация оказала влияние на религиозные представления хорезмийцев, прежде всего в иконографии. Так, в частности, в Хорезме восприняли образ Исиды, который был переосмыслен в местный культ богини-матери.

В докладе *В.Н. Пилипко* (Москва) «О зороастрийской правочерности Старших Аршакидов» было поставлено под сомнение широко распространенное мнение о том, что Аршакиды были зороастрийцами. Подробно анализируя материалы из раскопок Старой Нисы, автор приводит аргументы, которые не позволяют определить открытые на городище сооружения как зороастрийские. Кроме того, данные парфянской нумизматики не дают никаких свидетельств приверженности эмитентов к зороастризму. По мнению *В.Н. Пилипко*, основу идеологии Аршакидов составлял не зороастризм, а династический культ, заимствованный парфянами у Селевкидов.

Ю.А. Ранопорт (Москва) в докладе «О некоторых предметах из собрания Музея Востока в связи с историей религии Хорезма», учитывая мнения *Р. Кента* и *М.Н. Боголобова*, предложил свой вариант

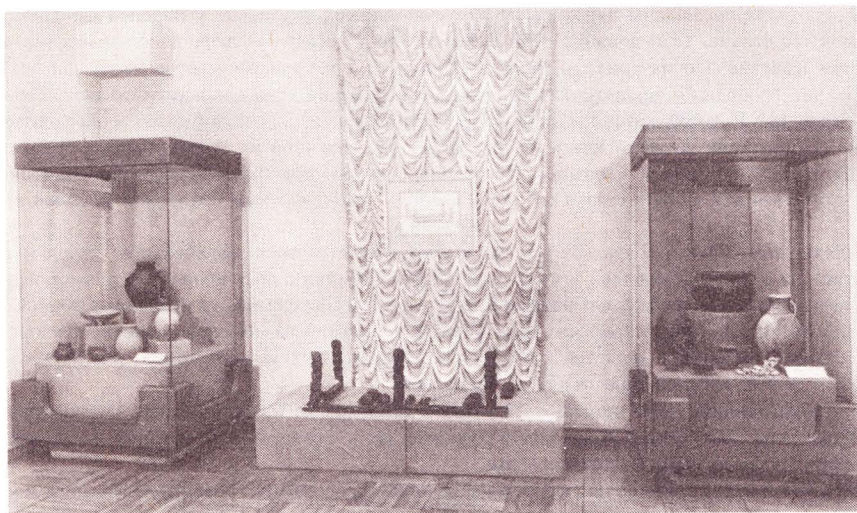

Рис. 3. Экспозиция материалов Чирик-рабатской культуры

этимологии топонима Хорезм – «Земля благой Вары». Автор остановился на некоторых разновременных находках при раскопках памятников Хорезма, хранящихся в ГМВ, иллюстрирующих различные стороны религиозных верований хорезмийцев (оттиск печати-змея в окружении лучей с Кюзели-гыр; алебастровая форма с изображением головы грифона для изготовления капители с Калалы-гыр 1; рельефы на керамических флягах с Калалы-гыр 2; оссуарии; фрагмент настенной живописи со сценой оплакивания с Топрак-калы и др.).

В докладе *В.Г. Шкоды* (Санкт-Петербург) «К вопросу о крестообразных сооружениях Средней Азии» затрагивалась проблема интерпретации архитектурных разновременных сооружений с крестообразной планировкой. Автор обобщил и проанализировал материалы раскопок известных памятников – Шаш-тепа, Хамтуда, Арк-тепе, Сеталак, Кафыр-кала и др. Их отождествление с культовыми не может быть признано бесспорным, тогда как их фортификационные характеристики позволяют считать значительное число из этих крестообразных памятников укрепленными сооружениями, замками.

Б.А. Литвинский (Москва) в докладе «Эллинское божество в храме Окса» рассказал о серебряной пластине с изображением головы Гелиоса, найденной на Тахти-Сангине среди прочих вещей эллинистического времени. В докладе был дан подробный иконографический анализ изображения Гелиоса в Греции и на эллинистическом Востоке, в частности в Бактрии, выявлен круг возможных аналогий и прототипов, на основании чего установлена дата изготовления тахти-сангинской пластины – III век до н.э., «скорее всего первая половина». По мнению докладчика, в это время уже активно происходил процесс бактрийско-эллинского религиозного синкретизма.

Доклад *С.Б. Болелова* (Москва) «Керамические курильницы Южного и Восточного Приаралья (первая половина I тыс. н.э.)» был посвящен группе керамических сосудов, часто встречающихся при раскопках археологических памятников Приаралья, – курильницам. Автор выделяет шесть типов курильниц. Все они представлены в археологических комплексах Приаралья, однако в зависимости от категории памятника преобладал тот или иной тип сосудов. В отдельных районах (Джетыясарское урочище) отмечается жесткая корреляция типа погребения (квадратный склеп) и типа сосуда (курильницы первого типа). По мнению автора, эти факты свидетельствуют не только о различиях в погребальной обрядности, но и о различной этнокультурной традиции.

В докладе *Т.К. Мкртычева* (Москва) «Кувинский храм: проблема интерпретаций» рассматривался известный раннесредневековый храм на городище Кува (Фергана), который в большинстве научных изданий трактуется как буддийский. Однако своеобразная иконография кувинской скульптуры дала возможность ряду ученых поставить данное определение под сомнение (М. Моде). Проведя анализ иконографии кувинской скульптуры, автор пришел к выводу о принадлежности храма буддистам ваджраянского толка, что решает проблему интерпретации кувинского храма, иконография которого существенно отличается от иконографии махаянистских и хинаянистских раннесредневековых памятников Средней Азии. На основании данных о распространении ваджраяны в ряде регионов Восточного Туркестана (в частности в Хотане), им выдвинуто предположение о том, что появление ваджраяны в Фергане могло быть обусловлено связями с Хотаном.

Два доклада были посвящены пережиткам доисламских верований у народов Средней Азии в период господства ислама. Тема доклада *Н.Ю. Вишневской* (Москва) – «Следы доисламских верований в X в. в Южном Хорезме (По материалам городищ Джигербент и Садвар)». Автор рассказала о существовании древних верований зороастрийского толка в исламское время и подробно остановилась на нескольких примерах, характеризующих это явление. К ним относятся: антропоморфный очаг в помещении на цитадели, композиция космологического характера на хуме (оба из Джигербента), орнаментация костяных пуговиц (Джигербент, Садвара). По мнению автора, подобный всплеск доисламских представлений и образов в X в. был связан с политическими особенностями правления местной династии Саманидов.

М.Б. Мейтарчиан (Москва) в докладе «О пережитках зороастризма в погребальном обряде мусульман Средней Азии» на основе материалов этнографии в сопоставлении с письменными зороастрийскими источниками выделила ряд погребальных ритуалов, совершаемых современными народами Средней Азии, и привела им соответствия в зороастрийских источниках. Существенным моментом сохранения зороастрийской погребальной традиции является то, что для современных исполнителей эти пережиточные зороастрийские формы воспринимаются как мусульманские.

Всего на конференцию было прислано 27 тезисов докладов из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Караганды, Ташкента, Самарканда и Душанбе, но, к сожалению, некоторые исследователи не смогли приехать. Тезисы докладов опубликованы.

Государственный музей Востока планирует в дальнейшем продолжить проведение выставок и научных конференций, посвященных различным проблемам археологии Средней Азии. В октябре 1998 г. предполагается организация выставки «Из сокровищницы парфянских царей», которая будет приурочена к 50-летию открытия на Старой Нисе одной из наиболее ярких находок восточного эллинизма – ритонов из слоновой кости.

С.Б. Болелов, Т.К. Мкртычев